

Насытившись эмоциями, Е Юй быстро отпустил его и, повернувшись, пошёл вперёд, не решаясь оглянуться на печальное выражение лица мальчика, боясь, что сердце его смягчится. На улицах города Гудэн повсюду висели разнообразные фонари, ведь сегодня был ежегодный Фестиваль Фонарей. Огни, словно пылающее пламя, освещали весь город.

Дойдя до перекрёстка, Е Юй резко обернулся и увидел, как мальчик стоит один у входа в приют. На мгновение он не смог понять, что выражало лицо мальчика. В тёплом свете фонарей он казался холодным и пустым, словно зимний воздух, готовый в любой момент рассеяться на ветру.

Е Юй потрогал свой меч и, быстро развернувшись, одним прыжком взлетел на крышу, не смея оглянуться, бросился в самую глубь ночи.

После того как Е Юй исчез, за Чао Минем появился мужчина с флейтой, следуя за своим господином и наблюдая за спиной того глупца. Мужчина с флейтой с жалостью опустил голову, не зная, как господин будет пытаться и мучить Е Юя.

Чао Минь протянул руку, и на его пальце изящно расцвёл маленький золотой лотос.

Сгущая энергию в реальность, мужчина с флейтой с изумлением смотрел на маленький лотос, едва сдерживая желание упасть на колени и поклониться своему господину.

— Он обернулся? — вдруг тихо спросил Чао Минь, его голос звучал слегка сонно.

Мужчина с флейтой немного замешкался, но, поняв, о чём речь, тут же закивал:

— Да, да, он обернулся два раза: один раз на перекрёстке, а второй — когда взлетел на крышу.

Чао Минь молча раздавил золотой лотос в руке, и на его бледном, холодном лице внезапно появилась мягкая улыбка, которая под тёплым светом фонарей выглядела нереально красивой.

— Тогда я не убью его. Пока что не убью, — сказал Чао Минь с улыбкой.

Мужчина с флейтой ничего не ответил. Он прыгнул на крышу, схватил фонарь и сел, играя с ним от скуки.

Не успел он просидеть и минуты, как вдали появилась чёрная тень, быстро приближающаяся. Мужчина с флейтой забеспокоился, не ошибся ли он. Он отодвинул фонарь, и тень, прыгая по крышам, чуть не упала. Он с сожалением покачал головой. Если бы давно умерший Люйсяо-цзы узнал, что его ученик растерял все свои навыки, он, вероятно, выполз бы из могилы, чтобы задушить этого никчёмного ученика.

Чао Минь, стоявший у вывески приюта, повернулся, его лицо было окутано туманом, и никто

не мог разглядеть застывшие в его глазах эмоции.

Услышав шум, он обернулся и увидел, как Е Юй спешит к нему. Юноша спрыгнул с крыши, и фонари Гудэна, выстроившиеся вдоль улицы, осветили его своим ярким, праздничным светом, создавая иллюзию сна.

Чао Минь замер. Он уже решил дать Е Юю два дня, через которые намеревался догнать его и разорвать на куски.

А теперь этот человек, который в его сознании уже был приговорён к смерти, вернулся, даже не потребовав погони.

— Малыш, прости, — сказал Е Юй, увидев Чао Миня, и с облегчением сделал шаг вперёд, но каждый шаг давался ему всё тяжелее. Для сироты бросить другого сироту было настолько мучительно, что, вероятно, он больше не сможет есть, вспоминая об этом. Он долго топтался у ворот города, бродил между лотками с фонарями, не решаясь уйти. Когда он наконец собрался покинуть город, тётушки, торгующие фонарями и косметикой, обсуждали последние сплетни.

— Говорят, в соседнем городке снова пропали десяток детей. Эти воры любят красть детей из приютов.

— Какая жалость. Если их продадут на границу или сделают из них подопытных, это будет ужасно.

— Слышала, что тела некоторых пропавших детей позже находили. Какое несчастье.

Е Юй, собиравшийся уже выйти за ворота, остановился. Помолчав, он вдруг схватился за голову и закричал:

— Чёрт с ним, это всего лишь ребёнок. В худшем случае Чао Минь убьёт меня, но перед этим я найду ему учителя в Вратах Куньлунь, и он будет жить там до конца своих дней.

Это была отличная идея. Он не мог помочь мальчику найти родителей или взять его на воспитание, потому что у него самого было мало времени, и он боялся, что в будущем только навредит ему. Разве Врата Куньлунь не считались легендарным местом милосердия? Там можно было найти какого-нибудь доброго учителя, и мальчик никогда бы не знал нужды.

Пусть мальчик поплачет. Его милое лицо обладало невероятной силой, и Е Юй был уверен, что хоть кто-то из мастеров не устоит.

Решившись, он бросился обратно, боясь, что опоздает и мальчика украдут для каких-то ужасных целей, а когда нашёл, его внутренние органы уже будут проданы.

Увидев, что мальчик всё ещё ждёт его, он с облегчением вздохнул. Он подбежал и крепко обнял Чао Миня, искренне прошептав ему на ухо:

— Прости, больше такого не повторится.

Рука Чао Миня, висевшая вдоль тела, слегка дрогнула, и он медленно поднял её, положив на спину Е Юя, словно неловко обнимая его.

Мужчина с флейтой, наблюдавший с крыши, видел, как Е Юй, улыбаясь, взял руку своего господина и громко сказал:

— Малыш, хочешь научиться боевым искусствам? Мне кажется, это место слишком опасно, и даже если ты захочешь жить обычной жизнью и жениться, тебе нужно уметь защищать себя. Я научу тебя мечу Школы Дунсянь. Если не найдёшь работу, сможешь резать свиней или кур, по крайней мере, прокормишь себя.

Хорошо, что Люйсяо-цзы давно умер, иначе, увидев эту сцену, он бы задушил себя от злости.

Фонари освещали путь, и Е Юй, держа мальчика за руку, медленно шёл вперёд. Он с облегчением сказал:

— Я слышал, что на реке в городе запускают фонари, и на них можно загадывать желания.

Мужчина с флейтой тихо сидел на крыше, наблюдая, как они, один высокий, другой низкий, постепенно скрываются среди фонарей.

Он посидел в тишине, но ему стало скучно. Сняв маску и откинув капюшон, он поднёс флейту к губам и начал играть.

Мелодия была чистой и прекрасной, той самой, которую Е Юй пел в дождь.

*

Дождь льёт, в старом городе трава высока.

Я слышал, ты всё ещё стоишь у одиноких стен.

*

А Е Юй, дойдя до реки в Гудэне, уже опустил свой фонарь в воду. Он сложил ладони и прошептал про себя:

— Пусть моё путешествие будет удачным, и я одолею Великого Демона. Пусть мои родители на том свете будут счастливы. Пусть мой компьютер не скучает без меня. Пусть все мои друзья в списке игр будут счастливы.

Закончив загадывать желания, он обернулся и увидел, что мальчик сидит на каменных ступенях у реки, безучастно глядя на фонари, плывущие по воде. Е Юй подошёл к нему с

оставшимся фонарём.

— Загадай желание, малыш.

— Нет желаний, — коротко ответил Чао Минь.

Е Юй покачал головой. Как можно быть настолько безнадёжным, чтобы не найти ни одного желания? Тогда он сам взял кисть и чернила, подаренные с фонарём, и написал на нём: «Пусть малыш проживёт спокойную жизнь».

— Кстати, как тебя зовут? — спросил Е Юй, столкнувшись с проблемой: ведь нельзя же написать «малыш».

— Минь.

— Хорошее имя, — сказал Е Юй и уверенно написал в конце — Мин.

Потом вдруг спросил:

— Почему только одно имя? Сяомин, а как твоя фамилия?

Сяомин?

Чао Минь усмехнулся, но промолчал.

Е Юй опустил фонарь в воду и, обернувшись, широко улыбнулся.

— Может, будешь носить мою фамилию? Е Мин.

Улыбка юноши была ярче фонарей. Чао Минь безучастно смотрел на него, затем усмехнулся и снова промолчал.

Вдали фонарь медленно уплывал.

«Пусть малыш проживёт спокойную жизнь».

На следующий день Е Юй купил место на грузовом судне и, радостный, повёл мальчика на борт, планируя добраться до Врат Куньлунь по воде.

А в это время Юй Линь уже вернулся в Врата Куньлунь. Он был весь в крови, его одежда изорвана, и он тащил за собой меч, шаг за шагом поднимаясь по десятитысячной лестнице Врат Куньлунь. Лестница тянулась от подножия горы до вершины, каждая ступенька была

высотой в метр, и всего их было десять тысяч. Поэтому основатель гордо назвал её «Десятитысячная лестница», высек это название на каменной плите у подножия.

<http://bllate.org/book/15304/1352584>